

6. Ким В. В. Некоторые аспекты формирования фанатизма на примере религий // Междунар. сб. науч. тр. Вып. 10. – Волгоград, 2006. – С. 29–35.
7. Санаева Т. Н. Социальный фанатизм / Т. Н. Санаева. – Н. Новгород : Гладкова, 2001. – 100 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 / В. Даль. – М., 1882.
9. Фойгель А. М. Социальная природа религиозного фанатизма : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. М. Фойгель. – Л., 1973. – 279 с.

ТРОФИМОВ А. В.

О СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Если попытаться применить к России начала XXI в. известное высказывание о том, что «скопище людей нацией делают две вещи – общее великое прошлое и общие великие планы на будущее», то становится очевидным весьма существенный дефицит и первой и второй «вещи».

В представлениях о нашем общем прошлом – истории России – за последние два десятилетия произошли существенные трансформации. Такие факторы, как освобождение отечественной исторической науки от сильного идеологического пресса, «архивная революция» конца 1980-х – начала 1990-х гг., методологический и концептуальный плюрализм способствовали появлению новых научных направлений и школ, публикации огромного массива трудов по истории России.

В то же время произошло расщепление единого культурного пространства, возник интенсивный «информационный шум», который способствовал размыванию или потере отчетливых и ясных ориентиров, формирующих общественное историческое сознание наших современников, особенно новых поколений.

Наконец, традиционно признаваемая самими историками и ожидаемая (или декларируемая) властью и обществом от исторической науки роль «учительницы жизни» была в значительной мере замещена функцией «подносчика снарядов», в виде предоставления тенденциозного набора фактов и аргументов для ведения политической борьбы или ее имитации в электоральных циклах и клановых «разборках» внутри политического класса.

В общественном сознании любой эпохи складываются определенные системы самоидентификации, удерживаются важные знаковые элементы, «коды», ясные, логически обоснованные конструкции, создающие, в конечном счете, обыденные представле-

ния об истории. Причем, по мере перехода от одной исторической эпохи к другой, эти символы, знаки, опорные объяснительные конструкции претерпевают изменения.

Следует отчетливо понимать, что историческая мифология во все времена и во всех государствах является неизбежным следствием их существования и развития. Под мифами и мифологией сегодня понимают один из древнейших, опробованных временем, типов социального кодирования, свойственных не только традиционному обществу, но и всем этапам развития человеческой цивилизации. Важно только осознавать, почему те или иные мифологические конструкции востребованы в определенное время и какую «идеологическую» нагрузку они несут, какие стереотипы восприятия создают и насколько они соотносятся с историческими реалиями. Мифы и историческая мифология нацелены на решение нескольких задач: самоидентификации общества (или нации) в мире, его отождествления с той или иной культурной, этнической или политической традицией; прогнозирования модели будущего нации путем выстраивания сюжета, по которому развиваются исторические события и воедино связываются прошлое, настоящее и будущее; ведения борьбы различных общественных и политических групп, направленной на утверждение собственной системы ценностей и дискредитации противников; исторические мифы часто используются властями для управления обществом, а смена мифологических моделей направляет массовое сознание в нужное в данный момент русло.

В России в настоящее время мифы не только возродились и, как в свое время идеология, отвлекают от приближения к подлинной истории, но и образовали странные смещения дореволюционных, советских и постсоветских мифов. Они выполняют, как отмечает Г. А. Бордюгов [1], в первую очередь, функции поддержки, идентичности, ориентации, а также защиты и размежевания. Мифы способны смягчать удары кризисов, позволяют справляться со всеми противоречиями и сложностями реформ.

Причем сегодня, как справедливо заметил видный современный историк Б. Н. Миронов [2], большинство мифов о России, как это ни парадоксально, не поднимает, а несправедливо унижает наше национальное достоинство. Он приводит некоторые из них: Россия была типичной колониальной империей, угнетавшей народы, входившие в ее состав; российское общество было закрытым; русские не знали самоуправления; крепостное право блокировало социально-экономическое развитие страны; в России

правили не законы, а люди; государство и бюрократия не заботились об обществе и народе; все или почти все реформы были несостоятельны; самодержавие в XVIII – начале XX в. было институтом, который мешал развитию страны; в судах царил произвол.

Продолжая этот ряд, добавим: славяне не могли сами преодолеть внутренний хаос, организовать свою жизнь и пригласили варягов-норманнов (во главе с Рюриком), которые и создали Древнерусское государство; Иван Грозный – деспот, тиран, изменивший путь развития России в восточном, азиатском направлении, надолго, если не навсегда, отдаливший ее от Европы; Петр I – великий государственный деятель, прорубивший окно в Европу, свежий воздух из которого благотворно повлиял на всю дальнейшую историю страны; реформы Столыпина были объективно необходимы, они обеспечивали в обозримом будущем движение страны к первенству в Европе и мире; Ленин и Сталин – «демоны» российской истории XX в., увлекшие ее с истинного пути в исторический тоталитарный тупик; победа в Великой Отечественной войне достигнута не благодаря, а вопреки руководству страной со стороны злого гения Сталина; распад СССР был неизбежен, поскольку все империи рано или поздно рушатся; эпоха Ельцина – время трудного, рискованного, на грани гражданской войны, перехода от страшного советского тоталитаризма, неэффективной государственной экономики к свободе, демократии и эффективному рынку... Рассуждения о «колее», «матрице», «деспотизме власти и долготерпении народа», «ручном управлении и отсутствии институтов» и т. п. «генетических» чертах и признаках, от которых Россия никак не может избавиться на протяжении столетий, стали уже общим местом для многих участников современного исторического дискурса.

Пожалуй, ключевым и достаточно прочно внедренным в современное историческое сознание является тезис о том, что Россия – отсталая страна практически на протяжении всей своей истории. Многие исследователи уверены, что Россия двигалась по европейскому пути, только медленнее, поэтому она со временем превратилась в отсталую страну.

Однако возможен и другой взгляд на проблему «отсталости». На взгляд Б. Н. Миронова, говорить, что Россия «отсталая» страна, – это то же, что назвать ее социально запущенным ребенком. Можно предположить, что Россия действительно с опозданием переживает все те же процессы и проходит те же стадии, что и западноевропейские страны, не потому, что россияне – «умственно отсталые или социально запущенные дети», а потому, что Рос-

сия как государство и цивилизация позже, чем западноевропейские страны, если можно так сказать, родилась. Б. Н. Миронов предлагает называть Россию страной другого часового пояса, что адекватнее передает смысл ее «отставания» от западноевропейских стран, где солнце христианской цивилизации взошло на несколько столетий раньше.

В недавно опубликованных книгах В. Р. Мединского [3] из серии «Мифы о России» предпринята попытка развенчать наиболее одиозные мифы о России как якобы рабской стране, «тюрьме народов», в которой жестокая власть противостояла вечно пьяному народу, живущему в лени, грязи и невежестве.

Большинство существующих в настоящее время стереотипов и мифов касаются истории России XX в., что, конечно, не случайно. Это наиболее острая проблематика, по-прежнему так или иначе затрагивающая жизнь нынешних поколений россиян.

Важной представляется проблема о преемственности и исторической логике советского (коммунистического) периода российской истории. Часть ученых осознает, что она не была случайностью, объясняющейся личностью Сталина (раньше – Ленина), а каким-то образом связана с логикой и общими линиями русской истории. Одни исследователи стремятся напрямую, «логически» вывести русский коммунизм из прошлого (сильная централизованная власть, отсутствие гражданского общества, архаические структуры, политическая неразвитость населения) и склонны видеть в нем фактически возрождение феодализма, феномен антимодернизма. Другая часть историков рассматривает коммунистический режим как незрелое выражение зрелой (по всемирным меркам) исторической тенденции перехода к социализму. В рамках линейно понимаемого формационного развития русский коммунизм представляется им необходимым следствием обострения социальных противоречий российского капитализма, закономерным выходом из ситуации, созданной империалистической войной и кризисом старого способа производства.

Недостаток этих подходов состоит в определенном «сужении» видения проблемы до императивов и архетипов «национальной» российской истории, которая не вписывается во всемирно-исторический контекст. Достаточно плодотворным представляется взгляд на коммунистический тоталитаризм как на одну из тенденций мировой истории (И. Пантин) [4], обращение к опыту российских модернизаций не только в их противопоставлении, но и выделении общих черт, характерных для «имперско-

го» и «советского» вариантов движения страны от традиционного к современному обществу.

Вполне очевидно, что исторические стереотипы возникают отнюдь не стихийно, а предлагаются обществу политическим истеблишментом и представителями исторического сообщества с определенными целями. Эти конструкты кладутся в основание «информационных пирамид», и создается иллюзия, что последние покоятся на прочном научном фундаменте. Мировой экономический кризис позволяет по-новому осмыслить два основных стереотипа, существующих в современном информационном пространстве. Первый: наша многотрудная и неоднозначная история – это магистральный (хотя и не прямой, а извилистый) путь во всемирно-глобальную, в основе своей – западно-атлантическую, цивилизацию. Второй стереотип: Россия как самостоятельная цивилизация должна хранить и приумножать свою уникальность, заимствуя лишь некоторые инновационные элементы у других цивилизаций, переделывая их под себя.

Примечания

1. Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2000. 216 с.; Бордюгов Г. Современное российское историознание: основные черты и тенденции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.airo-xxi.ru/gb/lekcii/lekcii01.htm>.

2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). СПб., 2000. Т. 1. С. 15.

3. Мединский В. Р. О русском воровстве, особом пути и долготерпении. М., 2008. 496 с.; Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М., 2008. 528 с.; Мединский В. Р. О русском рабстве, грязи и «торьме народов». М., 2008. 542 с.; Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. 656 с.

4. Пантин И. Россия: окончание исторического цикла? // Pro et contra. 1999. Т. 4, № 3. С. 124.

ФЛУСОВА В. С.

РПЦ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Говоря о РПЦ как социальном партнере, речь пойдет о трех субъектах взаимодействия – государстве, РПЦ и обществе. Эти субъекты сами по себе представляют сложные системы. А их взаимодействие накладывается на еще более сложный фон политической, экономической и социокультурной реальности. Поэтому отношения Церкви с народом детерминированы сложным контекстом, главное действующее лицо которого – наше государ-